

63.3(2)51
P89
CA-400846

МЕМОУАРЫ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

РУССКИЙ БЫТ

ПО ВОСПОМИНАНИЯМ СОВРЕМЕННОКОВ

ХУІІІ ВЕК. ВРЕМЯ ЕКАТЕРИНЫ ІІ

Выпуск 2

DirectMEDIA

СА-400846

Русский быт По воспоминаниям современников

XVIII век

Время Екатерины II

Выпуск 2

Сборник отрывков из записок, воспоминаний и писем

Москва

2022

Государственное бюджетное
учреждение культуры

«Оренбургская областная универсальная
научная библиотека им. Н.К. Крупской»

Содержание

Предисловие.....	5
Столица и провинция	6
Петербург.....	6
В Петербурге	9
Провинциал в Петербурге	17
Вид Москвы в 1778 г.....	21
Размышления о Петербурге и Москве	24
В Москве	26
Москва и ее общество в 1774 г.	33
В Москве августа 16 дня 1772 г.	36
Путешествие по России.....	40
Путешествие по южной степи.....	42
Из Киева в Москву	44
Новгородская деревня.....	46
Нравы в Малороссии в середине XVIII в. Общие моей отчизны нравы	49
Новые города и Петербург	51
Киев	54
Жизнь в провинции	60
Пенза	62
Николаев в 1788 г.	64
Чума в Херсоне	69
Чума в Москве (Донесения Саблукова).....	73
Реформы и провинциальная администрация	79
Первые меры Екатерины II	79
Комиссия 1767 г.....	87
Открытие Тульского наместничества	96
Открытие города.....	102
Введение нового городского положения	104
В Саратовском наместничестве	106
Преподавательства чиновников.....	109
Державин — губернатор в Тамбове	113
Бюрократия при Екатерине II	119
Дело откупщика логина и банкира Сутерланда.....	123
Воевода при Екатерине II	127
Водочная суматоха	128
Сплав казенного леса	137
Черноморье при Екатерине II	142

Армия	149
Как наживались эскадронные командиры.....	149
Происшествие с пленными.....	151
Жизнь офицера в лагере.....	152
Русский солдат в походе.....	154
Полковые нравы	158
Служба мальчиков в армии.....	160
Войско.....	161
Крестьяне и народные волнения.....	166
Зверства помещиков	166
Истязания крепостных	168
Современное письмо о Салтычихе	172
Однودворцы.....	174
Год крестьянина.....	175
Бунты заводских крестьян в Казанской и Сибирских губерниях.....	193
Усмирение крестьян Псковской губернии	196
Чумной мятёж в Москве	203
Из письма императрицы Екатерины II к А. И. Бибикову	220
Из переписки о Пугачевском бунте	222
Отрывки из писем императрицы Екатерины II к Я. Е. Сиверсу	222
Отрывки из переписки императрицы Екатерины II с Вольтером	224
К Настасье Семеновне Бибиковой от А. И. Бибикова	227
Письмо гр. П. И. Панина к брату.....	229
Письмо Петра Ивановича Панина к князю Михаилу Николаевичу Волконскому о Пугачеве	231
Из письма Лугинина, приказчика Семёна Долгорукова из Оренбурга присланного в Екатеринбург к приказчику Осдоту Ахматову	233
Пугачевский бунт	235
Отклики пугачевского бунта в Москве.....	254
Пугачевский бунт в Тамбовском крае	257
Пугачевщина и настроение войск и народа	266
Поимка Пугачева.....	273
Казнь Пугачева	275
Указатель авторов (в порядке помещения отрывков).....	286

Предисловие

Второй выпуск II части «Русского быта» охватывает те же хронологические рамки, что и первый выпуск — т. е. время Екатерины II. Технические условия печатания книг в настоящее время не дали возможности включить в него весь материал, относящийся к эпохе Екатерины II. Этот материал будет дан в 3-м выпуске II части. Эти же причины заставили составителей издать этот выпуск по новой орфографии. Это, конечно, лишает печатаемые документы значительной доли того бытового аромата, который они имеют в подлиннике, но составители предпочли выпустить книгу в таком виде, чем не выпускать ее совсем.

Москва, март, 1922 г.

Столица и провинция

Петербург

Путешественники и составители разных словарей подробно описали дворцы, храмы, каналы и богатые здания этого города, служащего дивным памятником победы, одержанной гениальным человеком над природой. Все описывали красоту Невы, величие ее гранитной набережной, прекрасный вид Кронштадта, унылую прелесть дворца и садов петергофских, наводящих путешественника на грустные мысли. Дорога от Петергофа в Петербург чрезвычайно живописна. Она идет между красивыми дачами и прекрасными садами, где петербургское общество ежедневно проводит короткое лето и в несколько теплых дней забывает о жестокости сурового климата, наслаждаясь постоянной зеленью деревьев и лугов, которая на болотистой почве поддерживается до первого снега...

Когда я прибыл в Петербург, в нем под покровом европейского лоска еще видны были следы прежних времен. Среди небольшого, избранного числа образованных и видевших свет людей, ни в чем не уступавших придворным лицам блистательнейших европейских дворов, было немало таких, в особенности стариков, которые по разговору, наружности, привычкам, невежеству и пустоте своей принадлежали скорее времени бояр, чем царствованию Екатерины.

Но это различие оказывалось только по тщательному наблюдению; во внешности оно не было заметно. С полвека уже все привыкли подражать иностранцам, — одеваться, жить, меблироваться, есть, встречаться и кланяться, вести себя на бале и на обеде, как Французы, Англичане и Немцы. Все, что касается до обращения и приличий, было перенято превосходно. Женщины ушли далее мужчин на пути совершенствования. В обществе можно было встретить много нарядных

дам, девиц, замечательных красотой, говоривших на четырех и пяти языках, умевших играть на разных инструментах и знакомых с творениями известных романистов Франции, Италии и Англии. Между тем мужчины, исключая сотню придворных, каковы, например: Румянцевы, Разумовские, Строгановы, Шуваловы, Воронцовы, Куракины, Голицыны, Долгоруковы и прочие, большей частью были необщительны и молчаливы, важны и холодно вежливы и, по-видимому, мало знали о том, что происходило за пределами их отечества. Впрочем, обычаи, введенные Екатериной, придали такую приятность жизни петербургского общества, что изменения, произведенные временем, могли только вести к лучшему. Кроме праздничных дней, обеды, балы и вечера были немногочисленны, но общество в них было непестрое и хорошо выбранное; они не были похожи на пышные наши рауты, где царствует скука и беспорядок. Одежда, занятая у французских придворных, была менее покойна, чем фраки, сапоги и круглые шляпы, но она поддерживала приличие, любезность и благородство в обращении. Так как все обедали рано, то время после полудня было посвящено исполнению общественных требований, обычным визитам и съездам в гостиных, где ум и вкус образовывались приятным и разнообразным разговором. Это напоминало мне то веселое время, которое я проводил в парижских гостиных. Но слишком частые и неизбежные празднества не только при дворе, но и в обществе, показались мне слишком пышными и утомительными. Было введено обычаем праздновать дни рождения и именины всякого знакомого лица, и не явиться с поздравлением в такой день — было бы невежливо. В эти дни никого не приглашали, но принимали всех, и все знакомые съезжались. Можно себе представить, чего стоило русским барам соблюдение этого обычая; им беспрестанно приходилось устраивать пиры.

Размышления о Петербурге и Москве

Я вовсе не люблю Москвы, но не имею никакого предубеждения против Петербурга, я стану руководиться благом империи и откровенно выскажу свое чувство. Москва — столица безделья, и ее чрезмерная величина всегда будет главной причиной этого. Я поставила себе за правило, когда бываю там, никогда ни за кем не посылать, потому что только на другой день получишь ответ, придет ли это лицо, или нет; для одного визита проводят в карете целый день, и вот, следовательно, день потерян. Дворянству, которое собралось в этом месте, там нравится; это неудивительно; но с самой ранней молодости оно принимает там тон и приемы праздности и роскоши; оно изнеживается, всегда разъезжая в карете шестерней, и видит только жалкие вещи, способные расслабить самый замечательный гений. Кроме того, никогда народ не имел перед глазами больше предметов фанатизма, как чудотворные иконы на каждом шагу, церкви, попы, монастыри, богомольцы, нищие, воры, бесполезные слуги в домах, — какие дома, какая грязь в домах, площади которых огромны, а дворы — грязные болота. Обыкновенно каждый дворянин имеет в городе не дом, а маленькое имение. И вот такой сброд разношерстной толпы, которая всегда готова сопротивляться доброму порядку и с незапамятных времен возмущается по малейшему поводу, страстно даже любит рассказы об этих возмущениях и питает ими свой ум. Ни один еще дом не забыл совсем старинное слово «дозор». Поспешность, с какой я пишу это, производит то, что я, может быть, забываю много обстоятельств, которые вместо того, чтобы уменьшить, усилили бы то, что я говорю; как, например, статья о фабриках огромной величины, которые имели безрассудство там устроить и в которых чрезмерное количество рабочих, все еще пользующихся привилегиями, очень противоречащими доброму порядку, увеличивают смуты,

которым во всякое время подвергался этот город. Не следует еще исключать из этой черты деревни, слившиеся в настоящее время с этим городом, и где не правит никакая полиция, но которые служат притоном воров, преступлений и преступников; таковы: Преображенское, Бутырки и пр., и пр. — Петербург, надо сознаться, стоил много людей и денег; там дорога жизнь, но Петербург в течение 40 лет распространил в империи денег и промышленности более, нежели Москва в течение 500 лет с тех пор, как она построена; сколько там народу занято постройками, подвозом съестных припасов, товаров, сколько денег они вывозят в провинции; народ там мягче, образованнее, менее суеверен, более свyksя с иностранцами, от которых он постоянно наживается тем или другим способом, и т. д., и т. д.

Имп. Екатерина II
«Записки»

Из Киева в Москву

В трех кибитках быстро мчались мы по снежной дороге. Единообразие зимнего пути меня скоро утомило. Февральское солнце, которое в Малороссии греет сильнее и светит ярче, чем на Севере, и снег, который от него блистал и таял, днем еще кое-как развеселяли мои мысли; но как пришла ночь, я почувствовал тоску необычайную. Даром что я был с сестрой и зятем, и что старший брат провожал нас до первого маленького города Козельца, мне вдруг показалось, что я совсем осиротел: сидя один в кибитке, впотьмах, я не мог заснуть и заливался слезами. Так прошел первый день; следующие были не забавнее.

Мне стало еще грустнее, когда, въехав в Орловскую губернию, в первый раз увидел я. себя в черной закопченной избе, куда спаслись мы от метели и где должен был я ночевать между телятами и поросятами: изнеженному мальчику, каковым был я тогда, это показалось верхом злополучия.

В то время между Малороссийскими городами не было заметно почти никакой разницы. В тех и в других встречались, почти одинаковой величины, чистенькие мазанки, с чистыми окнами, которые ежемесячно белились внутри и снаружи. Все они между собой, равно как и от улицы, отделялись садами, коих высокие деревья осеняли их кровли, что некоторым из деревень давало вид приятных рощей, в коих белелись рассеянные сельские домики. Все показывало, что тут живет народ, который столь же мало знаком с роскошью, как и с нищетой; общество, коего члены были все равны между собой и отличались одними заслугами, оказанными войску, и почестями, личной храбростью или личными достоинствами приобретенными. И потому-то образ жизни помещиков столь же мало разнился тогда от быта крестьянского, как вид городов от наружности селений.

Но коль скоро переедешь за Глухов, картина совсем переменяется: бедность и нечистота деревенских хижин, особенно уже в господских имениях, поражает своей противоположностью с прочностью строений городских. Когда увидел я первые Великороссийские деревни, то полагал, что города немного разве лучше, и оттого не весьма красивый Севск изумил меня своими каменными палатами. Вслед за тем Орел и, наконец, Тула показались мне столицами.

Москва произвела на меня то действие, которое обыкновенно производят большие столицы на провинциалов, никогда их не видавших, старых ли или малых: я был еще более оглушен ее шумом, чем удивлен огромностью ее зданий. По набожности сестры моей, мы от заставы отправились прямо к Воскресенским воротам помолиться Иверской Богоматери; вокруг часовни, где поставлен ее образ, в двух узких отверстиях, ведущих к Кремлю, беспрестанно кипит народ, ломятся экипажи. Во время молебна мне все казалось, что подле нас идут на приступ...

Ф. Ф. Вигель
«Записки», т. I

Реформы и провинциальная администрация

Первые меры Екатерины II

В 1762 году при вступлении моем на престол я нашла сухопутную армию в Пруссии за две трети жалование не получавшую.

В статс-конторе именные указы на выдачу семнадцати миллионов рублей не выполненными.

Монетный двор со времени царя Алексея Михайловича считал денег в обращении сто миллионов, из которых сорок почитали вышедшими из империи вон и натурой отправленными, понеже тогда вексельного оборота либо вовсе не знали, либо мало употребляли. Почти все отрасли торговли были отданы частным людям в монополии.

Таможни всей империи сенатом даны были на откуп за два миллиона. Шестьдесят миллионов рублей, кои остались в империи, были двенадцати разных весов, серебряные от 82 пробы до 63, медные от сорока рублей с пуда до 32 рублей в пуде.

Блаженной памяти государыня императрица Елисавета Петровна во время семилетней войны искала занять два миллиона рублей в Голландии, но охотников на тот заем не явилось, следовательно кредита или доверия к России не существовало.

Внутри империи заводские и монастырские крестьяне почти все были в явном непослушании властей, и к ним начинали присоединяться местами и помещичьи.

Правительствующий Сенат тогда составлял один департамент. Сей слушал апелляционные дела не экстрактами, но самое дело со всеми обстоятельствами, и дело о выгоне города Масальска занимало, при вступлении моем на престол, первые шесть недель чтением заседания сената.

Дело откупщика логинова и банкира Сутерланда

Вместе с сим тогда же почти (1792 г.) окончены Державиным... важные два дела, а именно комиссариатское и банкирское; комиссариатское начавшееся с 1775-го или 1776 года во время самой большой силы князя Потемкина, когда происходили на Санкт-Петербургской винный откуп торги. Сей всемогущий любимец, взяв под покровительство свое купца Логинова, выпросил ему под свое поручительство, без всяких залогов, у Государыни тот санкт-петербургский откуп без переторжки, с тем, что он, по окончании откупа, по совести объявит всю свою прибыль, полученную им сверх сложности, на которую торговались. Но как у Логинова не было наличных денег, чем вступить в откуп, то и взял он заимообразно тайным образом в Москве из комиссариатских сумм, через казначея Руднева, казенных денег 400 000 руб., с тем, что из первой выручки по откупу внесет оные обратно в казну; не помню через кого, а кажется, через некоего комиссариатского же ведомства чиновника Выродова, учинилось сие известным, и пошло следствие. Князь Потемкин под рукой и, по связи с ним, Александр Иванович Глебов, бывший генерал-комиссаром, с которого, может быть, согласия и деньги Рудневым Логинову выданы, покровительствовали или проволочивали всевозможным образом сие дело, так что, хотя Глебов пожалован около того времени или, яснее сказать, отлучен от комиссариата в смоленские генерал-губернаторы, сменен и отдан под следствие по настоянию генерал-прокурора князя Вяземского; но со всем тем Логинов, требуемый к очным ставкам против Руднева, хотя всем был виден проживающим в Петербурге, но не сыскан и не представлен в Москву около 20 лет. Между тем, вскоре по взятии откупа, Логинов поссорился с товарищем своим, купцом Савиным, и заплатя ему некоторую сумму, обещав

Чумной мятеж в Москве

I

Вдруг, 21 числа сего месяца (т. е. сентября 1771 г.), поражены неописанным образом все мы были страшным известием о случившемся в Москве великом несчастье, и бывшем в оной страшном мятеже, возмущении и убийстве архиерея московского.

Господи, как перетревожил и смутил всех нас тогда слух о сем печальном происшествии. Нам случилось тогда быть всем вместе, как мы сие известие услышали и нас оно так всех поразило, что мы остолбенели и не могли долго ни одного слова промолвить, а только друг на друга взглядывали, и насилу — насилу собрались с духом и начали рассуждать и говорить о сем предмете. И чего, и чего не придумали мы тогда о могущих произойти оттого печальных и бедственных следствиях!

Поводом к несчастному происшествию сему и обстоятельства оного были, сколько нам тогда по разносившимся слухам и по письму одного самовидца, имевшего в сем бедствии личное соучастие, было известно — следующее⁴:

Как скоро язва в Москве так сильно начала усиливаться, что не можно уже было удержать ее в пределах, какие предосторожности и старания к тому употребляемы ни были, и чума взяла верх над всеми полагаемыми ей препонами, то сие так всех живущих в ней устало, что всякий, кто только мог, стал помышлять о спасении себя бегством и действительно уезжал и уходил из сего несчастного города, а особливо, узнав, что не было к тому и дальнего препятствия. Ибо, сначала хотя и учреждены были при всех въездах и выездах строгие заставы, невыпускавшие никого из Москвы; но сие

⁴ О действиях администрации и ходе эпидемии см. выше стр. 73 (сост.).

Пугачевский бунт в Тамбовском крае

Воевода города Рязани надворный советник Михаила Иванович Кологривов, представил полковнику Древицу и комиссии рапорт, что около города селения прилегающие, не слушаясь его предписаний, не дают лошадей на подставку для проезда его сиятельства графа Пакина, и что он повседневно получает сношения от Шацкого воеводы, подполковника Лопатина, о возмущении народном в его провинции и вторичном уже нападении бунтовщиков на город Керинск, (отстоящий от Шацка в 80 верстах, от коих воевода Перский и оборонялся, но в третий уже раз атаковало город до 10 тысяч бунтовщиков), о чем и донес он московской губернской канцелярии и его сиятельству князю Михаилу Никитичу Волхонскому и графу Петру Ивановичу Панину.

По рассмотрении сих рапортов полковником Древицем, капитаном Галаховым и много (и при воеводе Кологривове), положено было отправиться мне тайно вооруженным (добрыми пистолетами), в простом одеянии, тот же день в Шацк (и дознаться там о всех происшествиях), а полковнику Древицу с комиссией выступить на другой день, оставя воеводе 1 офицера с 15-ю человек гусар для сгона подвод под экипажи графа Панина и его свиты, и на случай усмирения неповиновения черни. Предписано мне было, по приезде в город Шацк, объявить воеводе, чтоб для гусарского полка и комиссии тотчас отведены были в городе квартиры, а между тем рассеять слух, что через два дня весь сказанный отряд вступит в оный (на проезд до оного даны мне две подорожные: одна от полковника Древица, а другая от воеводы).

Проехав ночью кое-как многие селения и приехав 15 августа в село одно, около 11 часов пополудни, нахожу в оном множество народа и много прогулявших. Спросил старосту и приказал ему, как можно скорее, дать мне за

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного
произведения невозможно в связи с ограничениями
по IV части ГР РФ.

Эту книгу вы можете почитать в Оренбургской
областной универсальной научной библиотеке
им. Н. К. Крупской по адресу: г. Оренбург,
ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 32-32-49